

Эту комнату маленький Цзян Нин знал как свои пять пальцев — сам он был мелким, так что под кроватью его и вовсе не разглядеть.

Он хихикнул. Теперь-то точно не выгонят.

Заслышав шаги в коридоре, мальчик зажал ладошкой рот и забился в самый дальний угол, точно котёнок.

Сквозь свисающую простыню Цзян Нин затаил дыхание и сжался.

Не найдёт. Ни за что не найдёт.

Но Лу Чжихань просто вошёл, раскрыл шкаф, взял что-то и скрылся в ванной. Вскоре оттуда донёсся шум воды.

Котёнок под кроватью опешил. Что, даже искать не будет? Просто взял и пошёл мыться?!

Это же нечестно!

В комнате не горел свет. Под кроватью было темно и холодно.

Полежав немного, Цзян Нин почувствовал, как жёсткий пол начинает ощутимо давить на рёбра. Помявшись, он всё-таки выполз из своего укрытия.

Он ещё не решил, куда перебраться, когда клацнул замок ванной и в проём хлынул влажный пар, окутав его светом.

Лу Чжихань стоял на пороге в просторной пижаме, с мокрыми кончиками волос, и смотрел на него сверху вниз.

— Надумал вылезти?

Цзян Нин на секунду замер — как насторожившийся зверёк, который вот-вот кинется бежать, — но опытный Лу Чжихань на этот раз не дал ему ни малейшего шанса.

Длинная рука потянулась вниз и подняла чертёнка за шиворот.

— Не хочу домой! Не пойду! Тётушка, спасите меня!!

Лу Чжихань посмотрел на своё только что вытертое лицо: малец успел где-то извазюкаться — щека была перемазана пылью, совсем как у маленькой серой мышки.

— Здесь тебя никто не спасёт, — произнёс он, поднял мышонка на руки, шагнул в ванную и опустил его в ванну. Тёплая вода из лейки полилась сверху, и серая мышка мгновенно превратилась в мокрую. — Не хочешь домой — сначала отмойся.

Цзян Нин с трудом откинул волосы назад, открыв два круглых мокрых блюдца.

— Ты обещал не обманывать.

Лу Чжихань скрестил руки на груди.

— Помочь?

— Ещё чего!

Мыться он уже умеет сам, помощь большого злодея ему не нужна.

Цзян Нин стащил с себя мокрую одежду и отшвырнул в сторону. Немного неловко открыл кран и принялся набирать ванну. Кожа у него была очень белой; убедившись, что лишних ссадин нет, Лу Чжихань вышел.

На полке теснились флаконы, но детсадовский малыш с весьма ограниченным запасом иероглифов не мог разобрать ни одной надписи.

Плюнув на это, Цзян Нин схватил первый попавшийся флакон, выдавил несколько щедрых порций геля и размазал всё по голове — мыть волосы.

Лу Чжихань вернулся с полотенцем и одеждой.

— Твоего размера в доме ничего нет, придётся пока носить моё.

Он подобрал грязную одежду, бросил в стиральную машину и почуял: по всей ванной растёкся густой аромат пены.

Чертёнок с шапкой белых пузырей на голове явно не справлялся с самостоятельным купанием — долго шарил по краю ванны, пока наконец не нащупал лейку.

Лу Чжихань помолчал, потом взял лейку сам.

— Закрой глаза.

Мягкие струи смыли пену. Цзян Нин снова ожил — ресницы намокли и слиплись.

Лу Чжихань на секунду замешкался. Сам не понимая зачем, он не отложил лейку, а продолжил мыть чертёнка.

Обстановка неожиданно стала мирной.

Малыш сидел в ванне, обхватив колени руками.

— Тётушка когда вернётся?

— Через несколько дней.

— Через несколько дней — это сколько дней?

Лу Чжихань помолчал.

Он поднял отмытого малыша из ванны — брызги намочили рукав, но он, кажется, не заметил, — завернул его в тёплое пушистое полотенце, пропитанное ароматом мыла, и только спустя некоторое время произнёс:

— Сам не знаю.

После купания и сушки серая мышка снова превратилась в рисовый колобок — тёплый и душистый со всех сторон.

Лу Чжихань снял с полки школьную форму — белую рубашку, которая была ему уже маловата. На Цзян Нине она смотрелась откровенно огромной: подол свисал ниже коленей, рукава скрывали пальцы.

Одежда явно не подходила по размеру.

Но любопытному чертёнку было всё равно — он даже доволен. Болтая рукавами, он вприпрыжку выбежал из ванной, и босые пятки азартно зашлёпали по полу.

Лу Чжихань привёл ванную в порядок и вышел следом — а на его кровати уже горбился заметный бугор.

Он включил ночник.

Маленький Цзян Нин буркнул что-то сквозь сон и, не церемонясь, натянул одеяло на голову — свернулся коконом шелкопряда.

Опасаясь, что малец задохнётся, Лу Чжихань убавил свет до минимума, подсел на край кровати и приоткрыл угол одеяла.

Спящий ребёнок всегда кажется тихим — совсем не таким, как бодрствующий, который то ревёт, то канючит. Вымытые щёки горели румянцем.

Лу Чжихань смотрел на него довольно долго. Лишь когда в тишине раздался звонок в дверь, он оторвал взгляд и вышел из спальни.

Поздняя ночь. Гостей в такое время ждать было почти неоткуда.

Лу Чжихань открыл дверь.

На пороге стоял слуга семьи Цзян — с тревогой на лице. Увидев подростка, слуга опешил, но тут же спохватился:

— Простите, что беспокою. Не подскажете, у вас ли молодой господин Цзян? Я пришёл забрать его домой.

Лу Чжихань смотрел на него холодно.

— А где его семья?

Слуга не понял, к чему вопрос, но всё же ответил:

— Дома, разумеется.

— Тогда передайте: пусть кто-нибудь придёт лично. Так я его не отдам.

Свет над входом падал на Лу Чжиханя, но не мог разогнать темноту в его глазах. Ему было лет пятнадцать-шестнадцать, не больше, — однако что-то в нём не позволяло просто отмахнуться.

Слуга растерялся. Хозяйка обычно была добродушной, но сегодня её не было. А семья Цзян — не из тех, кто является сам, когда можно послать другого.

Лу Чжихань понял его затруднение.

— Ладно, иди. Скажи им: он уже спит.

Закрыв дверь, он вернулся в спальню.

Цзян Нин ровно дышал в своём углу. Одеяло было уже отброшено — ещё немного, и свалится с кровати, — но он этого не замечал.

Ну и как они могли спокойно отпустить его гулять до поздней ночи, а потом просто послать слугу?

Если бы сегодня он остался в больнице и не вернулся — этот маленький дурачок так бы и прождал на улице до рассвета?

Лу Чжихань обошёл кровать с другой стороны, поднял одеяло и слегка сдвинул малыша от края, потом выключил ночник.

Комната погрузилась в привычную ему темноту и тишину.

Он закрыл глаза, стараясь не думать о сегодняшнем разговоре в больнице, — но слова врача всплывали сами собой: «На этой стадии лечение уже мало что даст. Мы рекомендуем госпитализацию и консервативную терапию...»

Он думал об этом, когда что-то тёплое коснулось его руки под одеялом.

Лу Чжихань чуть вздрогнул.

Он не успел убрать руку — малыш, неизвестно когда перебравшийся ближе, уже вцепился в его предплечье.

В тишине комнаты слышалось лишь ровное дыхание. У детей нет тяжёлых мыслей — никакие тревоги не мешают им спать.

Слушая это дыхание совсем рядом, Лу Чжихань впервые за долгое время почувствовал настоящую, тяжёлую, желанную сонливость. Она потянула за собой его усталое тело — и он провалился в сон.

Наутро будильник зазвонил. Лу Чжихань потянулся его выключить и наткнулся на что-то мягкое.

Он нахмурился и, ещё не совсем проснувшись, опустил взгляд.

На нём лежал малыш — обеими руками и обеими ногами намертво намотавшись на него — и сладко посапывал.

Лу Чжихань помолчал.

Слегка прохладные кончики пальцев коснулись горячего лба. Малыш не только не почувствовал холода — он, не открывая глаз, потёрся о его ладонь.

Высвободиться не получалось. Волей-неволей Лу Чжихань пролежал ещё полчаса — пока время не поджало окончательно и опоздание не стало неминуемым. Тогда он ущипнул малыша за щёку.

Мягкая и пухлая. Он ущипнул ещё раз.

— Подъём.

Маленький Цзян Нин разлепил глаза, увидел Лу Чжиханя — и мгновенно округлил их.

— Ты как попал в мой дом?!

— Твой дом? — В голосе Лу Чжиханя промелькнула лёгкая ирония.

Только тут малыш огляделся и понял, что комната совсем не его.

Лу Чжихань встал, пошёл умываться. Вышел уже одетым и бросил через плечо:

— Вчера ночью за тобой приходили. Можешь возвращаться домой.

Казалось бы, любой ребёнок обрадовался бы таким словам — но малый по-прежнему сидел на краю кровати, теребя длинные рукава.

Лу Чжихань помолчал.

Он сам не понял, как это вышло, — но через несколько минут уже помогал ему переодеться в синюю форму детского сада.

Взглянув на часы, Лу Чжихань понял: как ни спешит — в школу он опоздал. Он посмотрел на эмблему детсада, нашитую на нагрудный карман. Садик он знал — по местным меркам вполне

приличное заведение.

— Идём. Отведу тебя.

При слове «в садик» физиономия малыша дрогнула, и он нырнул под кровать.

Но Лу Чжихань поймал его раньше, чем тот успел спрятаться, — за шиворот вытащил обратно, усадил на кровать и принялся натягивать ему носки.

— Не дам тебя в обиду, — произнёс он.

— Обещаешь?

— Разберусь.

Услышав это, малыш позволил надеть ботинки — хотя у дверей группы всё равно замер.

— Иди. — Лу Чжихань лёгким хлопком подтолкнул его в спину.

Маленький Цзян Нин собрал всю свою храбрость, переступил порог и плюхнулся на свой стульчик. Обведя взглядом воззрившихся на него одноклассников, он выдал:

— Никому меня не трогать! А то попрошу старшего брата — он вам задаст!

Дети воззрились в окно на того самого старшего брата.

— Ого, он такой красивый!

Маленький Цзян Нин почувал нешуточную угрозу.

— Совсем не красивый! И вообще — он только мой! Не смейте отнимать!

Убедившись, что малыш сидит на месте, Лу Чжихань спустился в кабинет директора. Пробыл там около получаса.

А позже в тот же день тот самый мальчишка, с которым Цзян Нин подрался, пришёл к нему в группу — заплаканный — и объявил, что отныне папу в игре будет играть он. Всегда.

Глаза у Цзян Нина загорелись. Большой злодей не обманул. Больше никто не будет его

обижать.

— Ладно, — важно произнёс мальчишка. — Тогда ты папа, а я мама.

— Не пойдёт, — отрезал Цзян Нин. — Ты мне не нравишься. В лучшем случае — будешь моим сыном.

— Ну ладно.

Детские обиды приходят и уходят быстро. В тот день Цзян Нин весело провёл время в садике.

Только вот жены у сына пока не было.

По телевизору говорили: в одну семью можно только с тем, кто нравится. Но в своей группе Цзян Нин не нашёл никого, кто нравился бы ему по-настоящему.

Были любимые герои мультиков — но те не могли выйти из экрана и поиграть с ним.

Думая об этом, Цзян Нин шагал к выходу и увидел слугу, который поджидал его у ворот — с подобострастной улыбкой и услужливо протянутыми руками, готовыми принять лёгкий рюкзачок.

— Молодой господин, скорее домой.

Цзян Нин думал всю дорогу и остановился прямо у ворот.

А потом побежал.

Прямо к дому Лу Чжиханя. Слуга на этот раз неотступно шёл следом.

— Молодой господин, ну же, домой. Господин и старший молодой господин будут беспокоиться.

— Ничего они не будут! Им на меня всё равно!

Цзян Нин вцепился в столбик крыльца и тяпнул слугу за руку — того, кто попытался его отцепить.

— Сказал не уйду — значит не уйду! Ам!

Укус был несильным — следа не осталось, — но намерение было самым решительным.

Маленький господин с детства отличался неуступчивостью: если уж упрётся — не сдвинуть. Слуга не нашёл другого выхода.

Жилой квартал был закрытым, чужим вход закрыт. Слуга наказал мальчику никуда не уходить и удалился.

Маленький Цзян Нин перевёл дыхание. Он уселся на ступеньки крыльца, подпёр пухлые щёки ладонками и вернулся к прерванной мысли.

Кого же взять в жёны?

Он ещё раз тщательно перебрал всех одноклассников. Покачал головой. Нет. Все не то.

Тут неподалёку скрипнула железная калитка.

Цзян Нин поднял голову.

Лу Чжихань вернулся сегодня чуть раньше, чем вчера. За спиной у него пылал закат — рубашка подхватила его краски и загорелась золотом. В руке он нёс пакет — непонятно с чем.

Увидев малыша на ступеньках, Лу Чжихань чуть поморщился. Без лишних слов прошёл мимо, достал ключ.

— Тётушки ещё нет.

Открыл дверь.

Маленький Цзян Нин тут же вскочил следом, но — бум — дверь захлопнулась прямо перед носом.

Он потрогал едва не ушибленный нос. И вдруг понял кое-что важное.

Большой злодей был красивее всех в группе. И сильный — никому не даёт его обижать.

Ему самому Цзян Нин не то чтобы очень симпатизировал. Но других подходящих кандидатов просто не было.

Значит, Лу Чжихань — единственный, кто годится в жёны!

Цзян Нин постучал в дверь. Никто не открывал. Он обошёл дом, заметил неплотно прикрытое окно, бросился к деревянному стулу во дворе, влез на него и потянулся к подоконнику.

Тут сзади кто-то поймал его за шиворот — и внёс в дом.

Лу Чжихань скрестил руки и посмотрел на него.

— Что на этот раз?

— Хочу, чтобы ты был моей женой!

Лу Чжихань помолчал.

Вот же малявка.

Вообще понимает, что это слово значит?

Он уже начал подозревать, что в этом садике проблемы не только с отношениями между детьми, но и с воспитательной программой.

— Кто тебя научил?

— Мы в дочки-матери играли, — Цзян Нин схватил его за ногу, — так что соглашайся! Я буду папа, ты — мама.

Лу Чжихань молча отцепил его от ноги, достал учебники и сел за домашнее задание — как всегда.

Раньше в это время малыш обычно включал мультики. Но сейчас он вдруг примостился рядом и уставился на него — круглыми глазами, не отрываясь, — до самого конца.

Лу Чжихань раскрыл недочитанную книгу. Не успел осилить и нескольких строк, как рядом возникла голова и уставилась на страницу. Английский оригинал привёл его в восторг.

— Я понимаю это! — объявил Цзян Нин.

— Понимаешь?

— Ну да, нас учили! — Редко когда этот малыш решался что-то демонстрировать, но тут постарался вспомнить всё, что задавали. — А, бо, цэ, дэ, э...

Это была китайская транскрипция пиньинь. Он читал-читал и, видимо, почуял, что буквы в книге не совсем совпадают с тем, что он учил в садике. Голос затих.

Не понял ничего — но всё равно жался к Лу Чжиханю, пока тот переворачивал страницу за страницей. Наконец книга закрылась.

— Всё?

Цзян Нин метнулся к рюкзаку, вытащил иллюстрированную сказку — с крупными буквами и пиньинем над каждым иероглифом, — раскрыл и протянул ему.

— Тогда послушай мою! Я вслух прочитаю.

Он водил пальцем по строчкам.

— Это история... «Ворона и кувшин». Жила-была ворона, захотела пить...

Эту историю знали все. Он читал её очень серьёзно, слово за словом, спотыкаясь на трудных иероглифах и переходя на пиньинь. Так, с запинками, дочитал до конца.

Лу Чжихань слушал молча. Когда малыш закончил, спросил:

— Пить хочешь?

— Могу ещё одну прочитать.

Лу Чжихань вышел на кухню, принёс бутылку молока. Он успел заметить: рост у мальчишки меньше, чем у одноклассников, — а это в детском коллективе верный путь к обидам.

— Пей.

Молоко Цзян Нин обычно не жаловал, но бутылку взял. Едва отпил пару глотков, как Лу Чжихань достал из пакета хлеб.

Судя по всему — ужин. Быстро и без лишних хлопот.

Лу Чжихань вложил хлеб ему в руку, сам пошёл на кухню — варить лапшу. Через несколько минут на стол встала миска — точно такая же, как прошлой ночью.

Цзян Нин, который уже собрался выбросить хлеб, при виде миски немедленно вонзил зубы в

ломоть — только бы снова не заставили есть лапшу.

Когда оба наелись, Лу Чжихань, сам не понимая как, снова оказался в ванной — мыл чертёнка, совсем как вчера.

Последний раз.

Он сказал себе это твёрдо.

Но на следующий день, вернувшись из школы, он снова увидел знакомый силуэт на ступеньках — малыш почти задремал, подпёрев голову кулаком, а услышав скрип калитки, мгновенно распахнул глаза.

На этот раз он поумнел: как только Лу Чжихань открыл дверь — первым юркнул внутрь и занял диван.

Лу Чжихань помедлил — и всё же вошёл. Посмотрел на малыша, чьи ноги не доставали до пола.

— Собираешься приходить каждый день?

— Ага, — кивнул Цзян Нин. — Буду ждать тебя каждый день.

— Ждать меня?

— Ну да.

Лу Чжихань промолчал. Но на третий день вернулся ещё чуть раньше. А когда малыш, уже наловчившийся проскакивать в дверь следом за ним, протянул руку — почувствовал, как пальцы сомкнулись на лямке рюкзака.

Решив, что снова вылетит на улицу, он зажмурился.

Но вместо этого Лу Чжихань сунул ему что-то в руку. Малыш опустил взгляд.

Ключ.

— Теперь сам открывай, — сказал Лу Чжихань.

Цзян Нин торопливо шмыгнул внутрь, прилипнув к нему как хвостик.

— А женой теперь будешь?

—...

— Ну будешь?

—...Раз уж так вышло.

— Ура! — Маленький Цзян Нин достал из рюкзака бумагу и акварельные карандаши и принялся рисовать.

— Что ты рисуешь?

— Наш дом. — На бумаге появился домик, рядом — дерево, прудик и несколько существ неопределённой породы.

А потом — три фигурки.

— Почему три? — спросил Лу Чжихань.

— Это я, это ты, — Цзян Нин ткнул пальцем в самую маленькую фигурку посередине, — а это наш ребёнок.

Лу Чжихань подпёр щеку рукой.

— Ты и сам ещё ребёнок.

— Тогда подожди, пока вырасту. Я на тебе женюсь.

Воспоминания — словно длинная нить от воздушного змея: один конец держится за прошлое, другой тянется к нынешнему Цзян Нину.

Машина остановилась у дома.

Цзян Нин вернулся в комнату и вытащил из-под кровати коробку с вещами, которые забрал когда-то. Порылся в ней и нашёл рисунок — тот самый, сделанный больше десяти лет назад.

Время пожелтило бумагу, но неловкие, детские штрихи никуда не делись — и, перелетев через годы, снова попали точно в сердце.

Сзади слышались шаги. Цзян Нин обернулся.

— Ты как... — Лу Чжихань осёкся, увидев рисунок в его руках. — Зачем снова достал?

Ответом стал поцелуй — стремительный и жаркий. Дома никого не было; Цзян Нин больше не сдерживался.

Он опрокинул его на кровать.

Пожелтевший листок взлетел в воздух и опустился на пол — а луч света из окна упал на него, и детские линии вдруг ожили, заиграли красками.

На долгом пути жизни мы бежим, падаем, страдаем — и этого не избежать, не обойти, не повернуть назад. Но в прошлом и в будущем — всегда найдётся тот, кто ждёт.

Такой человек — как радуга: не знаешь, что она есть, пока не встретишь.

<http://bllate.org/book/19724/1945662>